Вестник
Орловского Дома литераторов

Выпуск 3-й

В начале творческого пути

Орёл-2013

УДК 82-1
ББК 84(2р)6
В 38

Вестник Орловского Дома литераторов. Выпуск 3-й
В 38 В начале творческого пути. Ред.-сост. А.В. Фролов. – Орёл, ПФ «Картуш», 2013. – 44 с.

Данная брошюра, в которой приведены некоторые из рецензий орловских писателей на произведения непрофессиональных литераторов, может быть использована в качестве учебного пособия для начинающих поэтов и прозаиков. По этическим соображениям не указаны названия рецензируемых произведений и фамилии их авторов, не лишённых литературного таланта.

УДК 82-1
ББК 84(2р)6

© Орловский Дом литераторов, 2013
© Авторы статей, 2013

ПОЭЗИЯ

Ирина СЕМЁНОВА,
член Союза писателей России,
лауреат всероссийских литературных премий

ПОЕХАЛ, ТАК ДЕРЖИСЬ

«Всякий талант неизъясним» – эти слова принадлежат великому Пушкину, гений которого по сей день остаётся непостижимым.

Прежде чем попытаться проанализировать вторую по счёту книгу стихов Виталия, я решила вновь перелистать его первую книгу, вышедшую шестью годами ранее.

В первой, по сути ещё юношеской книге, Виталий заявил о себе как весьма одарённый поэт. Сразу стало ясно, что самый важный, «голосовой аппарат», у него в порядке, ибо стихи его звучат, а стало быть, они лиричны. Ведь буквальное толкование слова «лирика» означает «пение с лирой», значит, лирическую поэзию, прежде всего, отличает музыкальность, напевность, присутствие поющего авторского голоса.

Перелистывая его вторую книгу, я вновь убедилась в том, что автор обладает чутким поэтическим слухом. Слушая музыку окружающей природы, временами он улавливает звуки высшего, надмирного порядка. В поисках самых точных и необходимых слов для выражения слышимых им звучаний поэт умудряется не диатонировать, достигая органичного слияния чувства с текстом. Предельная искренность и открытость окружающему его миру не дают автору сфальшивить.

Совсем другая жизнь, лучами озарённая,
Куда-то в тишину уносится мой слух,
Совсем другая жизнь, никем не покорённая,
Где толстый жук-рогач крадётся под лопух,
Где травы шелестят волнистые и сочные,
И шалью паутин убрались васильки,
Где музыку дождя могу поведать точно я,
И тени облаков безоблачно легки.

Это небольшое медиативное стихотворение, в принципе, совершенно. Это глубокое, не по возрасту зрелое произведение тончайшего лирика. Это совсем другая, «никем не покорённая», но доступная автору жизнь, дверь в которую он приоткрывает, приглашая туда читателя.

Природа щедро одарила Виталия. Молодому автору не пришлось затрачивать больших усилий для овладения техническими сложностями. С самого начала его спасала и «вывозила» врождённая художественная интуиция. Первая книга удачна и гармонична. В ней проступает умная, думающая личность автора, однако логика здесь не довлеет над чувством, её ствол автор умеет украсить живыми листьями, заставляет затрепетать их на ветру поэзии. Есть в книге и попытка прорыва в ирреальное. Пристально вглядываясь в природу и чутко реагируя на изменения, происходящие в ней, поэт стремится заглянуть в самые глубины бытия и даже за его пределы. И ему это, по-своему, удаётся.

Разбилось отраженье вишен,
Когда закапал мелкий дождь,
Так незаметен и неслышен,
Что от него беды не ждёшь.
Но я почувствовал тревожно
За тихим шёпотом воды,
Как проступают осторожно
Потусторонние черты.
Как будто ветер был не ветер,
А что-то гневное во мне,
Как будто я доволен этим
В своей душевной глубине.

Это стихотворение уже заявка на серьёзную, большую поэзию, доступную лишь корифеям недавнего прошлого – Николаю Рубцову, Алексею Прасолову, Юрию Кузнецову, Алексею Решетову. Однако, подобные заявки следует оправдывать. Классическая лира неподъёмно тяжела, и лёгкое прикосновение к ней ещё ничего, по большому счёту, не означает. Истинному поэту следует поднять лиру, но это под силу немногим, и сможет ли сделать это Виталий, никто пока не знает, как не знает этого и он сам.

Ведь поэт – это не только способности, пусть и немалые. Поэт – это строй души, как сказала Марина Ивановна Цветаева. Ведь сколько людей, пишущих и выпускающих книги с плохими и неплохими стихами, остаются всего лишь обывателями, умеющими писать стихи.

Родиться поэтом, это всё равно, что родиться с горбом – так или примерно так говорила Цветаева, тогда как другая великая поэтесса Анна Ахматова оставила иное краткое и афористичное определение этого понятия, звучащее так: «Поэт не человек, он – дух!»

Обыватель, пишущий стихи, даже если он спрыгнет с крыши двадцатиэтажного дома, всё равно не приобретёт упоминаемого Цветаевой горба, здесь только одна перспектива – разбиться. Прагматизм, практицизм, тщеславие и стремление извлечь из поэзии пользу, никогда не дадут ему стать поэтом, несмотря на способности. Поэзия, как и Царствие Божие, есть царство не от мира сего, открывающееся только самым преданным и самоотверженным его служителям.

Хуже обстоит дело, когда человек с врождённым поэтическим горбом пытается выпрямить его, забыть о том, что он не совсем такой, как другие, и начинает стремиться к житейскому благополучию в ущерб творчеству. Ведь горб-то, несмотря на все ухищрения, у него всё равно останется, и приобретённое благополучие обернётся прахом, однако тех стихов, которые он должен был написать, не случится.

Жизнь летит стремительно, и необходимо сделать выбор. И здесь важно не опоздать. Ведь дух, живущий в поэте, может его просто покинуть. Творческий путь – это путь постоянного и напряжённого нравственно-духовного совершенствования. Душа поэта, «чтоб воду в ступе не толочь», обязана трудиться, воздвигая себя, как пирамиду Хеопса, поднимаясь всё выше и выше. Какой смысл в бесплодном передвижении по горизонтальной плоскости?

Случайно ли на скрижалях русской поэзии появилась бессмертная строка-завет Александра Сергеевича Пушкина: «Веленью Божьему, о Муза, будь послушна…»? А если автор думает, прежде всего, о своей карьере, поиске мягкого и

удобного места в жизни, материальном достатке и т.д., это неизбежно сказывается на его стихах.

Однако не будем больше отвлекаться и обратимся непосредственно ко второй книге Виталия.

Каково звучание этой поэтической книги? Что приобрёл или утратил поэт за минувшие годы? Если бы эта книга была первой книгой автора, то с неё был бы совсем другой спрос. Но, как известно, вторая книга является решающей, определяющей в судьбе всякого молодого поэта. С её выходом становится ясно, способен ли он к творческому росту или выплеснул в первой, удачной книжке всё, к чему был способен.

Поэтому ко второй книге Виталия следует предъявлять более высокие профессионально-художественные требования. Конечно, нельзя сказать, что она бесталанна, ибо написана всё-таки талантливым человеком. Однако меня, как рецензента, не покидает ощущение того, что автор поработал над ней вполсилы, не вложив в неё всего того, что мог бы вложить. Книга воспринимается как продолжение первой, чувствуется движение по инерции, скольжение по упоминаемой выше горизонтальной плоскости. Нет ощутимого духовного подъёма, нет подъёма качественного, т.е. движения к высотам поэтического мастерства, которые мог бы, благодаря своей одарённости, покорить Виталий.

Нет смысла приводить здесь примеры неудачных строф и стихотворений, тем более что в книге есть и неплохие произведения, однако, сравнивая вторую книгу с первой, нельзя не заметить того, что она легковеснее, поверхностней и бледнее предыдущей, где искренность и юношеская чистота покрывали многие недостатки. Во второй книге стихи как бы теряют прежний удельный вес, нравственная и гражданская позиции размываются, появляется недопустимая неряшливость в обращении со словом, а сам автор сдаёт духовные позиции.

Что же случилось и в чём причина такого «эффекта»? А ларчик открывается очень просто. Подняться на очередную ступень поэтического мастерства Виталию помешали жизненные обстоятельства. Учёба в Московском транспортном институте, работа, семья, опять работа – всё это отнимало силы поэта, не позволяя ему всецело отдаться поэзии. Всё это

объяснимо и извинительно в глазах людей, однако не стоит забывать о том, что Муза – женщина и не прощает измены. Опасность быть по уши затянутым житейским омутом угрожает практически каждому мало-мальски способному поэту. Особенно в наше жестокое время. И чем талантливее поэт, тем более жестоко житейские обстоятельства хватают его за горло. Это закон бытия, с которым не поспоришь. И победить эти житейские обстоятельства можно только одним – созданием истинно поэтических стихотворений. Стало быть, молодым поэтам следует рассчитывать свои силы и готовиться к схватке с судьбой. И никто не может гарантировать, что она не окажется смертельной. То, что у талантливого человека не может быть лёгкой, ровной и благополучной жизни, это однозначно. Однако если ты назвался груздём, то уж полезай в кузов или бросай это дело совсем. Николай Рубцов писал:

Мы сваливать не вправе
Вину свою на жизнь.
Кто едет, тот и правит.
Поехал, так держись!

У Виталия есть все данные для того, чтобы сложиться в крупного, серьёзного поэта. Это доказывают удачные подборки в альманахе «Орёл литературный». Нужно только бережно относиться к своему дару, ухаживая за ним, как за хрупким молодым деревцем и не забывая о том, что все дары и таланты принадлежат не человеку, а Богу и даются только на определённый отрезок его жизни.

Я надеюсь и даже знаю, что Виталия ждут впереди большие творческие удачи, которые удивят не только орловского, но и всероссийского читателя.

В ТЕМНИЦЕ СОБСТВЕННОГО «Я»

Прочитав представленную на рецензию рукопись из 34 стихотворений, я нашла три, о которых можно сказать, что они удачны. Это и мало, и много. В то время, когда я издавала свои первые книги (начало 80-х годов прошлого века), считалось, что

если в первой книге автора, состоящей из 50-60 стихотворений, есть 5-6 удачных, книгу классифицировали как состоявшуюся.

Два из удачных лирических стихотворений Ирины связаны с религиозно-христианской тематикой. Это прежде всего лучшее в подборке стихотворение «Колокольный звон» и стихотворение «Ты чудо, Гефсиманский сад…». Третье стихотворение «К родным истокам» лучше было бы предварить конкретной пейзажной зарисовкой, написанной простым задушевным языком, что разбавило бы и оправдало некоторую риторичность и декларативность последующих восьми строк.

Остальные стихи Ирины изобилуют досадными школярскими неточностями, языковыми и ритмическими сбоями, неважной рифмовкой, неоправданной риторичностью, неточно выраженными мыслями и т.д.

Главным недостатком творчества Ирины, на мой взгляд, является поверхностность её поэтического мироощущения. Нет ни одной ёмкой глубокой поэтической мысли. В одном стихотворении лишь зафиксировано, что существует такое понятие, как *«русский дух»*. Но что предпринято собственно Ириной для того, чтобы выработать позицию для защиты этого русского духа?

Возьмём стихотворение «Пейзаж». Символ бытия видится автору в трёх знаках: заборе, берёзе и гараже, которые она видит из своего окна. Разве Ирина неподвижно сидит в инвалидном кресле и целыми днями смотрит на надоевший пейзаж? Разве она не выходит на улицу и не видит, что творится вокруг? В мире идёт трагический процесс глобализации, происходят войны, революции, против человечества совершается величайшее в истории преступление, её Родина на краю гибели, население России сокращается с молниеносной быстротой. Но всё это проходит мимо глаз и ушей Ирины, которая при полном равнодушии и глухоте к народным и человеческим драмам и трагедиям хочет и надеется состояться как поэт!

Красив колокольный звон русских церквей, однако погружаться в глубины божественного духа Ирина не хочет, да и бороться с силами дьявольской тьмы ей некогда. В голове её *«сплошная дребедень»* (стихотворение «Строка»), она думает о

строке и о ручке, которая куда-то запропастилась. Но для чего ручка и строка, если нечего сказать?

Возьмём тот случай, когда Ирина приводит свою лирическую героиню в музей (стихотворение «В музее»). Вместо того, чтобы увидеть там какие-то исторические реалии, автор описывает сверкающую люстру, как будто дело происходит в мебельном магазине. Две строки *«вхожу на стык пересеченья двух временных пространств»* совершенно не вписываются в контекст стихотворения и кажутся здесь языком инопланетян. Они не благозвучны, режут слух. *«Стык пересечения»* - здесь автору явно изменяют слух и вкус.

Музей вообще очень интересное место, там есть много старинных предметов, о каждом из которых можно написать целую поэму, есть документы и портреты интересных личностей, живших в прошлом. Но всё это проходит мимо внимания Ирины, она видит лишь некое качнувшееся в ответ на её неспешный шаг зазеркалье, которое есть неподвижный мир, и качнуться не может даже если Ирина затопает ногами в стихах. Качнуться, дрогнуть может лишь нечто в восприятии автора, само зеркало, какой-то конкретный предмет. А вот с предметностью, художественной деталью в творчестве Ирины дело обстоит явно плохо. Даже обычная сосулька у неё выглядит размыто и неубедительно.

«Звуки, выводимые в скерцо», «зимой обветренное сердце» - вычурные и беспомощные образы. С подобной недовыраженностью подавляющее количество стихов выглядит плоско и бледно. Их нужно прописывать, улучшать, углублять, внимательно думая над каждым словом.

И лучше писать не о скрипке Паганини, которую автор никогда не слыхал да и услышать не мог, а конкретных событиях и явлениях живого мира, выражая своё к ним отношение.

Совет Ирине: побольше читать хороших поэтов, учиться предметности, художественности, хорошей рифмовке, больше размышлять о процессах, происходящих в мире, стараясь увидеть их корни. Необходимо обратиться лицом к жизни вместо того, чтобы замыкаться в темнице собственного «я».

Способности у Ирины есть, но ей нужно много и серьёзно работать над собой и своими стихами.

«ГЛАЗА ВОПЬЮТСЯ И НАЛЬЮТСЯ»

Представленная на рецензию подборка стихов Александра производит двойственное впечатление. С одной стороны мы видим сложившуюся личность, натуру автора, выраженную в мыслях и поступках его лирического героя, а с другой стороны натыкаемся на почти полное незнание правил стихосложения и вопиющую поэтическую безграмотность.

Несмотря на это, на первой же странице, рядом с безграмотными опытами обнаруживается чистое, бесхитростное, в общем неплохо написанное стихотворение:

Вдали от столичной тусовки
Негромкие вирши пишу,
Попасть не спешу в заголовки,
В тиши полной грудью дышу.
Рассветы, цветение сада,
Соловушка, Пушкина том,
Ночь, звёзды – ну что ещё надо?
Спасибо судьбе и на том.

Этим стихотворением автор много говорит о себе: это и любовь к родному краю, родной природе, и отношение к отечественной культуре, и несуетность натуры лирического героя, которому довольно родного сада, тишины и пения соловья для ощущения счастья. Стихотворение получилось довольно ёмким, оно сразу располагает к себе и к автору.

Если бы подобных стихов в рукописи была хотя бы половина, то её можно было бы счесть очень удачной. Однако подавляющее большинство представленных стихотворений – тернии и завалы на пути к настоящим стихам.

Посмотрим в текст. Самое первое стихотворение «Страшная сказка» сразу же начинается со штампа:

За Кудыкиной горою,
Где Макар не пас телят…

Тут сразу два штампа. Далее:

Есть с трухлявою корою
Дуб былинный, говорят…

«Былинный дуб» для стихотворения – штамп. Нормально это прозвучало бы только в народной песне. Пусть сказка вроде бы и подражание народному стилю, но ведь писал её Александр, а не орловские крепостные крестьяне. *«Трухлявая кора»* - эпитет неблагозвучный, необязательный и банальный. Далее: *«воля рока»* - штамп. Словом «рок» нужно пользоваться очень осторожно, частое и неумелое употребление его говорит о безвкусице. Сказка, если её сочинят автор, должна иметь подтекст, т.к. пишется с умыслом.

Возьмём «Атомную сказку» Юрия Кузнецова, которая вскрывает мировую проблему. В данном случае подтекста нет, а есть странные атрибуты: некий ларец с *«тайной сгубленных сердец»*, что является лишь измышлением автора и умозрительной нелепостью.

Страшная сказка Александру не удалась. А концовка уж и совсем плохая. Какие чувства хотел пробудить автор своим творением у читателя? Не довольно ли телевизионной чернухи?

Пойдём далее:

Глаза тревожно в даль вопьются
И, уловив немой укор,
Слезами горьким нальются –
О, русский роковой простор,
Ты – глубь неодолимой боли…
Стою лицом к седым векам,
И ветер странствий капли соли
Размазывает по щекам.

«Глаза вопьются» - какой-то вампиричный глагол! Плохо и то, что он рифмуется с другим глаголом – *«нальются»*, получается неудачная глагольная рифма, расслабляющая стих и выпирающая наружу. *«Слезами горькими»* - донельзя заштампованный эпитет. *«О, русский роковой простор»* - опять рок! Опять роковые страсти. Безвкусица и цыганщина! К тому же сама строка ложно многозначительна, что смешно при такой убогой технике. *«Седые века»* - затёртый, банальный эпитет. Думать надо – какие ещё века бывают. Искать напряжённо. *«Ветер странствий»* - штамп.

Всего восемь строчек, а штамп на штампе! И потом, откуда эта сентиментальная стыдливость? Я ей не верю! Тут нет настоящего чувства!

Александр обращается к теме Отечественной войны, но пишет с чужих слов. Лучше писать о том, что знаешь и видел сам. Тогда это будет убедительно.

Если бы не заимствованные *«родные пенаты»*, можно было бы принять стихотворение «Возвращение», где есть живые образы соседей, дед с цигаркой, не говорящий, а *«прокашливающий»* слова. Дед очень тронул меня как читателя. Неплохие стихотворения «В пути» и о церквях, но остальное не удалось или не доработано. Александру нужно читать отечественную классику и хороших современных поэтов, человек он способный.

Андрей ФРОЛОВ,
член Союза писателей России,
лауреат всероссийской литературной премии

ДАСТ БОГ - ПОЛУЧИТСЯ ПОЭТ

Все три книги есть сборники стихотворений, и, открыв первую по дате издания (2001 год), я был не то чтобы удивлён, но испытал радость от встречи с хорошими стихами. Забегая вперёд, скажу, что таковыми вижу далеко не все стихи, собранные в три книги.

Павел, курганец по рождению, более двадцати лет жил и работал в Якутии, и сердце своё оставил там (об этом можно судить по стихам). Когда он пишет об этой удивительной северной стране, перед читателем предстаёт истинный поэт, творчеством которого движет искренняя влюблённость в Якутию. Примером тому первое же стихотворение из первой же книги – «Якутская ночь»:

...Донимает
Щупальцами влажными
От реки поднявшийся туман.
Из аласа криками протяжными
Будит мир отчаянный горлан…

Твёрдая рука, мастерски, на уровне интуиции, прописанные детали. Поэт видит и чувствует то, о чём пишет. С лёгким сердцем отнесу к творческим удачам Павла и такие стихи, как «У обочин забытых дорог…», «Мир деревьев, засыпанных снегом…», «Туман стекал в тенистые лога…», «Встреча с родным домом», «Почти не помню – сквозь туман…», «Здоров мой дядя!..», «Где-то там, в небесах, сорвались тормоза…» и ряд других. Автор, видимо, интуитивно, чувствуя, что эти стихи самые сильные, ставит их в начало каждой из книг… Но, к сожалению, в первой книге моя читательская радость заканчивается на 18-й странице в аккурат с окончанием раздела, посвящённого Якутии; во второй книге – пожалуй, на 15-й; в третьей – на 7-й. Нет, конечно, нельзя говорить, что заканчивается всё – в книгах, то тут, то там, вспыхивают

искорками отдельные стихотворения, а чаще удачные строфы, а ещё чаще – строчки. Так, например, в середине одной из книг возникают стихотворения «У меня когда-то бабушка…» и «Поле боя чернело от ран…», посвящённое деду автора. То есть так происходит, когда Павел говорит о прочувствованном, на тему, которая ему близка и понятна, как и в случае со стихами о Якутии.

Если строить логическую цепочку, можно легко увидеть, что книги от первой к третьей пропорционально растут по объёму и обратно пропорционально по качеству. Складывается впечатление, что с каждой книгой буквописание приобретает всё более яркий вкус, растёт авторский аппетит, в конце концов приводящий к всеядности. И автор «тащит» на страницы книг уже всё – вплоть до многочисленных эпиграмм-пожеланий коллегам по работе. Едва ли читателю интересно, что некому Половинкину В.В. *«дай Бог сменить УАЗ на «Волгу» и править фирмой – до-о-олго, до-о-олго»*, а из Киртянова К.С. *«даст Бог – получится директор»*. Наверное, это льстит непосредственно означенным товарищам, но и только. Не стоит растрачивать талант, несомненно, отпущенный Павлу, и на миниатюры вроде собранных в разделах «Из жизни многоклеточных» или «Инструментарий», равно как и на басни, получившиеся банальными и не очень… не получившимися, словом. Посудите сами: *«Ослу – намордник, между прочим, чтоб по утрам орал не очень…»* и так далее. Не по Сеньке шапка. Голова у Сеньки больше. Или другая просто.

Особое место в творчестве Павла занимают исторические сюжеты, собранные в разделе «Вехи», имеющемся в каждой из трёх книг. Я допускаю, что автор хорошо знаком с историей, также как допускаю, что рядовой читатель не знаком вовсе, во всяком случае, не настолько, чтобы по названию довольно длинного стихотворения «1 марта 1881 года» определить, что речь идёт о Софье Перовской, прямо названной лишь в последней строке. В данном случае уместно не загадывать загадки, а дать имя в названии. То же относится ко всем остальным названиям-датам.

Ещё один лелеемый Павлом раздел носит название «Из антологий» и тоже кочует из книги в книгу: «Из греческой

антологии», «Из латинской антологии» и т.д. Стихотворения, помещённые в данный раздел щедро снабжены эпиграфами, цитирующими китайских, японских поэтов, а порой, как некоторые сонеты, ещё и подписаны, например так: *«Ричард Плантагенет – Львиное Сердце (1157-1199), английский король, поэт»*. Это что, перевод? Тогда, наверное, следует указать это обстоятельство.

«Поклон поэтам» – раздел книги, где автор запросто, напрямую обращается к поэтам, жившим в прошлые века. Считаю, такой приём неуместным. Да, такой разговор можно обыграть, например, рассказав сон, но начинать послание к Л.А. Мею с *«Когда под сводами Лицея учились Вы, благоговея…»* и так далее… Если хочется рассказать о поэте, может, лучше говорить не «Вы», а «он»? Впрочем, это моё мнение, с которым автор может не соглашаться.

И, конечно, в книгах имеется обязательный раздел «Лирика». Только Павел причисляет к таковой исключительно любовную лирику, тем самым, наверное, не оправдывая название раздела. Разве всё те же, не дающие мне покоя, стихи о Якутии – не лирика?

Неоднозначно моё отношение и к поэмам, венчающим каждую из книг, в большинстве своём так или иначе затрагивающим историческую тематику. С одной стороны – уверенный, яркий слог, с другой – историческая правда, а вернее сказать: точность (это весьма важно!) воспроизведения принципиальных деталей. Сразу оговорюсь: судить исторические поэмы (например, о Доростоле) я, наверное, не вправе, поскольку, к стыду своему, не отважусь похвастать глубиной познаний в этих вопросах. Тем не менее, отчетливо понимаю серьёзность темы и сознаю ответственность автора при её раскрытии. Сомнения мои возникли не на пустом месте – дело в том, что до написания этой рецензии я познакомился со стихотворением Павла о Тургеневе, написанном в уничижительном тоне с элементами зубоскальства. Думаю, подобная трактовка если где и уместна, то уж никак не в поэтическом произведении, описывающем элементы быта общепризнанного литературного классика. Надеюсь, мои сомнения в правдивости исторических поэм Павла будут

истолкованы правильно. Кроме того, за излишней витиеватостью слога (дающейся, кстати, автору легко) некоторых поэм иногда не чувствуется «настоящести», которая покоряет читателя в поэме «Трасса». То есть снова тогда, когда Павел делится лично пережитым, прочувствованным.

В заключении всё же скажу, что меня не покидает удивление: как может столь щедро поэтически одаренный автор разменивать дар на незначительные, неинтересные, а порой и совсем безвкусные вещи? Понятно, что этакая всеядность и другие, уже технические, авторские огрехи происходят от долгой невостребованности, от длительного писания в стол и от необдуманной решимости издавать книги в авторской редакции. Однако оправданием это быть не может.

И всё же, несомненно, Павел – поэт, ведь из трёх предложенных на рецензию книг при серьёзном подходе к своему творчеству и привлечении (я бы настоятельно советовал) профессионального редактора можно собрать одну, но очень хорошую поэтическую книгу.

СЫРО В ТУМАННУЮ ГЛУБЬ

Очень хочется, чтобы оценка – возможно, первая профессиональная – творчества Ирины не лишила её крыльев, а они, безусловно, есть. Пусть пока только пробиваются – робко, едва-едва, о настоящем полёте можно ещё только мечтать, но на чувственном уровне в Ирине зарождается поэт. Тем не менее, хвалить её пока не за что. Поэт не может ограничиться волнением в груди и томлением в сердце, требуется кропотливая работа со словом, чтобы стихотворение состоялось, стало понятным читателю и принятым им. Вот этой самой работы пока нет, не слышит Ирина пока слово или не заботится тем, чтобы услышать, – как написалось, так и ладно.

С первых строчек рукописи на первые роли выходят и до конца так и не сходят с авансцены штампы, слабые рифмы, смысловые неточности, недоговорённости и противоречия… Но я-то хочу, чтобы эта рецензия не столько показала другим несостоятельность автора, сколько помогла бы самому ему

разобраться в своих ошибках, заставила работать уже на новом уровне. Поэтому попытаюсь пройти вместе с Ириной по строчкам некоторых её стихотворений, комментируя буквально каждую и расставляя знаки препинаний, которые она игнорирует, особенно в конце строк.

И вот опять растаял день
В кровавом набрызге заката.
Окрестность хмурых деревень
Нарядом золота богата.

Прикосновение ночи
Меня смутило не на шутку,
И пламя тихое свечи
Мелькает медленно и чутко.

И бродит призраком луна
Под дрожь взволнованных деревьев,
А свет ложится из окна,
Как отсвет тлеющих поленьев.

Да, день растаял. Это нормально. У автора же как бы проскальзывает недоумение, будто каждое утро он предполагает, что этот день продлится вечно. Строку можно усилить, уйдя от *«вот опять»*.

«Кровавый закат» – это не штамп, это штампище! Надо искать.

«Нарядом золота богата» – явный перебор. Согласитесь, насколько нелеп был бы вопрос: «Ты золотом богат?» Ищите, Ирина.

Вторая строфа – проходная, слишком обычная, без особых недочётов, но вопрос есть и здесь: чем *«не на шутку смутило прикосновение ночи»*? Объяснений нет. И пламя свечи (может, не *«тихое»*, а *«робкое»*?) можно было обыграть живее, чем просто медленно-чуткое мелькание, тем самым показав, что пламя колеблется не от какого-то случайного сквозняка, а чутко реагирует на душевное состояние автора. Например, так: *«Моим тревогам внемлет чутко»*. Понимаю, *«внемлет»*, может быть, не самое удачное слово, но искать удачное – дело автора. Во всяком случае, именно связь человека и свечи в этой строке

должна стать определяющей. Найдёт Ирина (в этой ли, в других ли строчках), и проходных строк не будет.

«Призрак луны» – ладно, пойдёт, но вот чем до дрожи взволнованы деревья – опять остаётся за кадром, строка повисает в воздухе. *«Под дрожь»* – тоже неудачно, *«д – д»* – звукопись ещё никто не отменял.

Последняя строка стихотворения – это как раз то, что даёт надежду на поэтический потенциал Ирины. Сама, быть может, того не понимая (но чувствуя), она завершает стихотворение той самой запоминающейся деталью, которая очень многое решает в поэзии. И всё бы хорошо, если бы не *«свет»* в предыдущей строке… Ирина, ну подумайте – *«свет, как отсвет»*? И повторяю: ищите!

Есть и в других стихотворениях хорошие, если не целые строки, то отдельные эпитеты: *«спелые звёзды»*, *«пахнет надломленной веткой», «клюквенным сиропом… влажная заря», «разгорается клён лоскутами огня», «вьюга… пляшет ведьмой во дворе»* – всё Ирина видит, слышит, чувствует. Только сказать не может.

Замечательно начинает некоторые стихотворения:

Раздувает мама угли,
Дремлет кошка у печи…

***

Дома пахнет тёплым хлебом,
Пахнет рисовой кутьёй…

(«Рождество»)

Дальше – пока не хватает дыхания, стихи разваливаются, становясь набором фраз, отмеченных смысловыми неточностями. Неумелостей значительно больше, чем удач:

«Сыро в туманную глубь» – что означает эта строка, обозначенная автором как самостоятельное предложение?

«С тихой печалью тревога…» – «тихая печаль» – да, *«тревога»* – уже другое, никак не *«тихая»* и никак не *«с печалью»*.

«Запах спеющей малины…» – точнее было бы «спелой малины» – вот она пахнет.

«Танец зимних нег» – голову сломать.

«Ветер спит, вздохнуть боится он» – если спит, значит, ничего он не боится, и наоборот.

«…станешь с шорохом пшеницы…» – это не звукопись, шипение какое-то.

Словом, своего голоса Ирина ещё не обрела. И я далёк от мысли, что она пишет стихи под кого-то – просто (может, в силу молодости своей) выражает чувства, особенно не задумываясь о читателе, и ей кажется, что всё хорошо и понятно. На самом деле, понятно только ей.

И всё-таки верится: если Ирина начнёт вдумчиво работать над строкой, поймёт, что это труд не лёгкий, и не отступится, – уйдут неточности, пропадёт рисовка, и вот тогда всё будет действительно хорошо, и получится из неё хороший поэт.

Что касается сказки «Таинственный жемчуг», она слишком наивна, грешит теми же недостатками, что и стихи, и причины недостатков те же. И рассматривать её как сколь-нибудь серьёзное литературное произведение не приходится.

Искренне надеюсь, что помог Ирине хотя бы немного разобраться, где на литературной кухне соль, а где перец.

ЗВЁЗДОЧКИ И КОЗОЧКИ,
или ПИРОЖКИ ЗЕЛЁНЫХ ГЛАЗ

Книга Галины заявлена как «лирика детства», что, в общем-то, соответствует её содержанию. Детские стихи прозрачны, интересны и почти всегда несут в себе ту «изюминку», которая и должна присутствовать в таких произведениях. Именно способность автора смотреть детским взглядом на окружающий мир всегда подкупает и покоряет маленьких читателей.

В лучших своих стихах («Самовар опять свистит…», «Снова девочка смеётся…», «Папа выглядит сурово…», «Камыши заснули…» и некоторых других) Галины показывает зачатки, пока только зачатки таланта детского писателя. Но стихи с интересными, не надуманными идеями и яркими образами, к сожалению, страдают от отсутствия авторской техники. В

результате получаются не прописанными, слабыми, а порой и нелепыми до гротеска.

Как самое, на мой взгляд, удачное стихотворение, хочу выделить вот такое (кстати, в детских стихах читателю очень помогает интересное название стихотворения, тогда как Галина почему-то названий избегает):

Ночью ёжик мой не спал,
Всё сопел, свистел, шуршал.
Может, хочет он в лесок,
Этот рыженький клубок. **(здесь уместен знак вопроса. А.Ф.)**
Молока ему даю,
Прячет мордочку свою.
Даю **(очевидное и неоправданное смещения ударения. А.Ф.)**
вкусную котлету,
Всё ему не то, не это.
Папа тайну мне сказал:
«Ёж иголочки считал,
Ты считать ему мешал».

Интересное решение стихотворной задачи, подпорченное сбоем ритма, которого легко можно было избежать, написав, например: «предложу ему котлету». Вообще, складывается впечатление, что многие, если не все, стихотворения, помещённые автором в книгу, написаны на скорую руку – как пришло в голову, так и написалось. Не видно работы со словом, а слово не любит пренебрежительного отношения. Давно известно, что писать для детей нужно так же, как и для взрослых, только лучше. Не даром многие блестящие лирики не отваживались писать детских стихов – сложно это, работы больше, да и вообще, это особый талант – писать для детей. Думается, у Галины этот талант есть, правда, явлен он читателю не огранённым алмазом. В этом случае большую помощь мог бы оказать профессиональный редактор, но Галина самонадеянно выпускает книгу в саморедакции, записываясь порой до смехотворного: *«Кота Ваську я рисую – пирожки зелёных глаз…», «Яйцом солнце всмятку, в детскую*

кроватку…» Ну просто лакомые кусочки для пародиста! Или такое:

Вот весна. Кричат грачи.
В небо смотрятся ручьи.
Ухажёр сестрички, врач,
Чёрный-чёрный,
словно грач.

Ну чего он чёрный-то? От горя почернел, или болезнь какая приключилась? Автор не поясняет.

Большим минусом в стихах для детей является злоупотребление уменьшительно-ласкательными суффиксами: *«звёздочки», «супчики», «гамачок», «кустики», «козочки», «цветочки»* и т.д. Не знаю, почему, но практика показывает: не любят дети сюсюканья.

А вот *«глаз от папы не свожу»* - это уже просто от незнанья синтаксиса.

Особо останавливаюсь на литературных ошибках, не потому что злой и хочу обидеть автора, важно чтобы он понял свои недоработки и не допускал их впредь.

Подводя итог, скажу: в лице Галины мы имели бы литератора с весьма интересным будущим, если бы она серьёзней относилась к работе со словом. Конечно, никто не сможет запретить выпускать сырые книжки. Только зачем?

КАК УМЕЮ, ТАК И ПОЮ

Всякий раз, когда берёшься оценивать литературные произведения, нелегко отделаться от так называемой «вкусовщины». И вопрос не сводится к чисто читательскому «нравится – не нравится», оценка профессионала так или иначе подспудно опирается на стилевые, тематические и другие особенности личного творчества. Наверняка не избежать этого обстоятельства и мне в данной рецензии, и потому, чтобы далее многократно не повторять слов «я считаю», «по моему мнению», «на мой взгляд» и т.п., сразу оговорюсь, что всё нижеизложенное и есть мой и только мой взгляд, кстати, на истину в последней инстанции не претендующий. Впрочем,

рискну предположить, что в поэзии всё же немного разбираюсь, и буду стараться придерживаться критериев незыблемых и простой логики.

Рукопись Андрея, выпускника Литературного института им. А.М. Горького, представленная на рецензию, состоит из 16 страниц стихотворений, написанных, надо полагать, в разное время. То, что это стихи, сомнений может и не вызывать, другое дело степень литературного профессионализма, с которым они «сработаны».

Не буду спешить дать общую оценку рукописи, покопаюсь в деталях. Начну с тематики. В подборке преобладают стихотворения на религиозную, духовную, как, вероятно, думается автору, тему. Даже названия говорят за себя: «Молитва», «Страстной сонет», «Сонм святых под сводами храма». Только отчего-то сильно настораживает натужность, показушность слов *«Господи, еси…», «жар сатанинский», «воскресение Христа», «все мы в жизни для Отца и Сына»* и т.п. Не суесловие ли при отсутствии должного профессионализма? Ведь куда как духовней видятся строки о человеческих взаимоотношениях, всегда проецируемые на заповеди Христовы.

Цитата:

О, воскресенье – это день весёлый,
О, это праздник – нету разговора!
Здесь люди, как трудящиеся пчёлы,
Роятся в полусумраке собора…

Вроде как люди пришли повеселиться на воскресную службу – роятся, жужжат, работают. Тогда как должно – с душой смиренной и покорной. Как хотите, но это «весёлое роение» откуда угодно, но не из православия.

Мне возразят: а почему поэт должен быть именно православным? Да ради Бога, пусть католик – сути не меняет.

В стихотворении «Песнь былой любви» лирический герой вроде бы скорбит о смерти *«милой подруги»* и в тоже время говорит: *«…и скучно глобус постылый топтать»*. Какая скорбь? Скучает парень – *«нет на свете чудес, или драмой мне застилает глаза…»*.

В полной мере подобное равнодушие показано в стихотворенье «Крылья». Интрига такова: бездомный голубь умирает у колеса автомобиля. Лирический герой, посокрушавшись, поразмышляв о жизни и смерти, пришёл к тому, что это Божий закон, и закон этот всегда прав. Смастерил *«из упаковки пустой»* для мёртвой птицы *«саван, который не смог согреть»* (и не мог, поскольку птица мертва, и саван по определению функции имеет несколько иные, не согревающие). Далее со словами *«Лети в светлую гавань, крылатая, дух святой…»* птица погребена в мусорном контейнере, а герой *«зажёг свой плеер и позабыл о ней»*, ведь *«крылья даёт лишь музыка, пока ты ещё живой»*.

Казалось бы, всё правильно: не биться же в истерике подле погибшей птицы, живым – жить. Только к чему тогда долгие и в данном контексте фальшивые разговоры о *«светлой гавани»*, где можно *«без печали любоваться на корабли, на которых отчалим и мы от чёрной земли»*? Просто поговорить?

Понимая, что стихи (настоящие) самодостаточны и не пишутся для чего-то и зачем-то, я всё же не понимаю, зачем написано стихотворение «Старый Вакх»? Думается, автор просто попал в некий рэповый ритмический плен, и его понесло – выдал набор фраз, зачастую не сообразущихся никак:

Искал он вечную любовь, потом решил что это миф.
Под Богородицын покров явился он, глаза открыв,
и вот – предчувствует грозу, когда гуляет на бровях,
за виноградную лозу теперь он в путах и цепях –
он Старый Вакх…

И так – четыре раза. О смысле особо не задумываясь.

Точно так же я не понимаю смысла написания Андреем произведения «На смерть свиньи». Красочно, натуралистично описан забой свиньи. Нашей, не австралийской – у той смерть была бы оправданна высоким смыслом, как считает автор. А наша, убиваемая извергом скотобойцем, философски размышляет: *«Сожранной быть, друзья, обидно в мире профанном»*. Что это? Авторские упражнения? Так пусть они останутся не обнародованными.

И не могу, поверьте, не могу хоть как-нибудь соотнести с поэзией такое, в общем-то, справедливое восьмистишие:

Новорождённый этнос
Предпочитает фитнес.
Он надевает гриндерс,
Носит – и больше нет нас.
Слышал вчера от знакомого:
«Да, написал Тургеня –
Мцыри, Каштанку, Обломова,
Но лучше – стихи на фене!»

В изящно зарифмованном стихотворении «Вечная любовь» описывается, надо полагать, пара влюблённых наркоманов, живущих *«под стук единый двух сердец»*. Все атрибуты налицо: и *«мерцает в шприце героин»*, и *«дрожат волшебные миры»*, и *«оскаливали гниль зубную»*. И автор, успокоясь, приходит к утешительному выводу:

Да, это вечная любовь.
Она бывает и такою.
И этим сердце успокою,
И успокою этим кровь.

А ведь и не волновалась кровь-то у него, равнодушного стороннего наблюдателя – даже позавидовал где-то.

Или вот стихотворение «Незнакомцу». Обращаясь к незнакомому, впервые встреченному человеку, автор ни с того ни с сего заявляет: *«Душит мусор твой меня, браток…»*. А нет, вот уже: *«Ты известный негодяй и старый неврастеник….»*. Значит, не такой уж и незнакомец. Но нет, всё же *«малый без лица»*… Ну запутался Андрей и читателя запутал вконец.

Столь же запутаны, с точки зрения смысла, стихотворения «Ход времени в стихах звенит металлом…», «Сонет», «Если жизнь твоя подобна кораблю…». Явно просматриваются лишь патологическая зависимость автора от рифмы и ритма, и плохо контролируемое стремление наполнить строку выспренностями.

Тем ярче выделяются в подборке три стихотворения.

Совершенно человеческое «Воскресное утро», где шероховатости, конечно, есть: и провисающее *«как-то празднично»* во второй строке, и часы, поющие *«квартетом звонко»* (ну что их четверо, что ли?), и противоречивость запаха книг – *«пахнут пыльным, ароматным»*. Но всё же…

Незримый, но очень острый нерв пронизал стихотворение «Отец». Оно – болит, цепляет.

Стихотворение «Художнику», пожалуй, лучшее в подборке – здесь автор не равнодушен, созвучен времени, а главное оптимистичен.

Но их, в целом неплохих стихов, только три, про остальное Андрей сказал сам: *«Я на земле многогрешный живу и пою как умею».* Неважно как-то умеет.

И КРУГОМ ХОДИТ ГОЛОВА
(150 страниц разбитого сердца)

Книгу составили полторы сотни стихотворений, которые автор, несомненно, видит как любовную лирику. На самом деле произведения Татьяны нельзя отнести не только к указанному жанру поэзии, но и к стихотворчеству в целом. Да, автор обладает, видимо, природным музыкальным слухом, да, умеет держать строку в размере, что уже не маловажно для поэта. Но, к сожалению, Татьяна знакома с правилами (а они есть) стихосложения весьма приблизительно. Обилие (если не сказать изобилие) глагольных рифм таких, как *«сможешь – поможешь», «догоняю – вспоминаю», «любить – забыть», «знаю – теряю», «виню – люблю»* и т.п., не позволяет говорить о рецензируемых творениях как о поэзии. Думаю, автор не может не согласиться с тем, что, ежели в конце строк ставить глаголы одного спряжения, времени и т.д., то подобные «стихи» можно гнать километрами. Не добавляют привлекательности стихотворной строке и такие синтаксически неуклюжие построения: *«я скучаю сижу по тебе», «не нужна я совсем для тебя», «и кругом ходит голова», «теперь я забрала эстафету»,* и совсем уж нелепые анатомизмы: *«а в теле всегда настороженный страх», «я храню твоё имя под сердцем»* и т.д.

Впрочем, всё это касается вопросов техники и не выглядит неустранимым, но главный авторский недостаток это заунывность тематики. По существу Татьяна, сотворив одно (не очень умелое) произведение о несчастной любви, повторила его ещё сто сорок девять раз. И, в общем-то, без вариаций: со

страницы на страницу – *«сердце страдает от боли», «ты меня забыл», «сердце разбил на части», «я тебя не забыла», «мы не вдвоём»*… Всё это многократно, до оскомины. Вот и получается, что 150-страничная книга являет собой вместилище женских слёз, не по-настоящему пролитых, а лишь поставленных в строчки для, скажем, усиления эффекта жалости. Жалости к себе – дескать, вот посмотри, мне самой себя так жалко, так жалко, ну пожалей же и ты меня!

Нет, ни в коем случае не хочу принизить глубину чувств автора этих строк! Также не хочу сказать, что о любви уже написано всё. Но уж если выносить на суд читателя душевные откровения с претензией на поэзию, то делать это следует, не используя стандартный набор штампов, а по-своему – ярко и неповторимо. Иначе творчество не поднимется выше дневниковых записей и никогда не станет поэзией.

Подводя итог, следует всё же ещё раз отметить музыкальность строки, похвалить Татьяну за старательность и смелость, которая, в общем-то, необходима для подобного излияния чувств. И предостеречь от повторных попыток издания книг в саморедакции – помощь профессионального редактора просто необходима особенно начинающим литераторам.

ПРОЗА

Юрий ОНОПРИЕНКО,
член Союза писателей России,
лауреат всероссийских литературных премий

УПОРСТВО, ВРЕМЯ, ВДУМЧИВОСТЬ

Представленная на рецензию рукопись состоит из пяти миниатюр, объединённых общим названием, и восьми сказок.

Миниатюры, скорее всего, написаны гораздо раньше сказок, поскольку резко уступают им по художественному уровню. Они переполнены канцелярскими, газетно-казёнными словами вроде *«осуществить», «неоспоримо», «заданное направление», «исходное положение», «предельная возможность», «дальнейшее обучение»* и так далее.

Если же попадаются образные выражения, то они бесконечно затёрты, шаблонны: *«гробовая тишина»*. Свежую художественную находку мне удалось в миниатюрах встретить лишь одну: *«понурый снег»*. Но это сразу подсказало, что автору по силам вскоре разобраться в тонкостях образного мышления.

Так и произошло в сказках. О них можно уже говорить всерьёз, надеясь, что автор поймёт замечания (хотя, закончу о миниатюрах, и в «школьных» произведениях уже чувствуются проблески искренности, виден нестандартный замысел, подкупают попытки психологического анализа, желание передать самые глубинные движения чувств. Эти миниатюры можно легко довести до приемлемого качества, просто пусть автор поработает над текстами, заменит штампованные слова на свежие и создающие зримую картинку в каждом эпизоде).

Теперь о сказках. Отрадно, что все они написаны вполне литературным языком, причём простым, без излишней аффектации, без фальшивых, «деланых» строк.

Конечно, мысль, заложенная в некоторых сказках, не нова; есть лобовые назидательные, морализаторские фразы, но избавиться от них — дело времени.

Иногда особенно заметно, что автор ещё не совсем избавился от мертворождённых слов и фраз: *«предстояло вскоре показывать своё умение в незнакомой местности», «его организм мало приспособлен к жаре»* и т. п.

Необходимо твёрдо усвоить, что такие вот обороты губят всё произведение, они неприемлемы для писателя. Художественная литература потому и зовётся художественной, что строится на образах, метафорах, сравнениях; а газетные, чиновничьи обороты есть смерть литературы.

И ведь автору удаются образы! Рядом с канцелярскими выспренностями есть отличные слова. К примеру, о зебре и антилопе сказано: *«они ногастые, прыгают не хуже кузнечиков»*. Милый, зримый и, главное, свежий образ.

Привлекателен один этюд, в нём настоящая поэтика: *«качаться на хвосте у ветра»* — великолепно!

И тут же чуточку недоработанная *«горячая благодарность ночи»*. Благодарность ночи — хорошо, а горячая благодарность — плохо, поскольку отдаёт поздравительной открыткой. Исправить фразу очень просто: убери всем надоевший эпитет «горячая». Найди другой, свой собственный, никем ещё не употреблённый. И желательно тоже с буковкой «ч», поскольку она есть и в слове «ночи» и вдвоём они бы создали аллитерацию, перекличку звуков.

Понимаю, что это уже из высшего пилотажа литературного творчества, однако автор, уверен, способен овладеть и такими тонкостями. Ведь аллитерация в этой фразе уже есть, только не с тем словом.

Отдельные сказки, конечно, нуждаются в переработке, слишком длинны и к тому же распадаются на отдельные части. Как три слабо связанных сюжетных линии, словно в романе.

Тут секрет таков: что допустимо в многословном романе, недопустимо в коротком рассказе. Именно поэтому многие

великие писатели признавали и признают: частенько хороший рассказ написать труднее, чем роман. В рассказе любое лишнее слово утяжеляет произведение, кренит, словно перегруженную лодку.

И снова, и снова канцеляризмы: *«способ уходить от ответственности», «перекладывать трудности на других»*... Писатель должен беспощадно бороться с этими убийцами художественности! Если автор осознает это, то научится отсеивать мертвечину, причём на интуитивном уровне.

Заканчивая свою короткую рецензию, хочу с радостью сказать: из этого автора может вырасти хороший писатель. Вопрос лишь в том, хватит ли у него упорства, времени, вдумчивости.

И ещё одно небольшое замечание: повнимательнее с запятыми. Порой они стоят не там, где надо. Мелочь, но в литературе нет мелочей. Запятая часто создаёт (или ломает) интонацию, а интонация в нашем деле так же важна, как и сюжет, как и художественность.

Очень надеюсь, что у автора всё получится.

… И АДСКИЙ ТРУД

У писателей есть фраза: «важно не то, о чём написано, важно — как». И это правильно, поскольку о каждом мгновении бытия, о каждой травинке-былинке можно написать блистательную повесть. В то же время об эпохальных свершениях можно сподобиться написать отвратительным, отталкивающим, кондовейшим языком. Подтверждений и первому, и второму масса.

Похоже, бесконечные телевизионные «мыльные оперы», многотомное книжное чтиво, называемое «проектами», в наше время у большинства сочинителей и читателей вообще сняли вопрос «как».

Печатные тексты и видеодиалоги пусты, как башка двоечника. Мозги нафаршированы примитивнейшими мыслями, напичканы фразами, ничего не дающими ни уму, ни сердцу.

Те, что читают расхожие сегодняшние книги, а особенно газеты, привыкают изъясняться либо языком питекантропа, либо «учёными» канцеляризмами.

К сожалению, рассказы Виталия написаны как раз в таком стиле — если вообще можно в данном случае говорить о стиле. Простое словечко *«было»* повторяется на странице по десять раз подряд — автору и в голову не приходит подобрать ему хоть парочку синонимов, чтоб назойливые повторы не превращали весь текст в косноязычие.

Знаки препинания — первейшее правило грамматики — разбросаны как попало. Перл *«было за счастье за кем-нибудь заботиться»* тоже не вызывает у автора ни малейших сомнений. Казённейший оборот *«Это был сильный и мужественный человек, честность и доброта которого завоевала всеобщую любовь и уважение»* можно взять из любого официального некролога. Но при чём тут художественная литература?

По-моему, нет смысла говорить всерьёз и о сюжетах представленных рассказов: они лобовые и наивные донельзя. В «Наследника» не верится нисколько; разве что герой плутал по деревушкам пьяным. Финал «Настоящих сокровищ» угадывается с первой страницы; конечно же, это фронтовые награды. А «Бесконечная любовь» будто бы списана с индийского кино.

Остаётся надеяться, что все эти работы — ученические, что автору идёт лишь второй или третий десяток лет. В таком случае всё исправимо, в молодом возрасте подобные опыты встречаются сплошь и рядом, лично я сам в пятнадцать лет кропал что-то похожее и притом чуть не плакал от восторга.

Посему есть смысл дать автору несколько добрых советов. Писать ему надо, однако ещё более ему нужно читать. И ни в коем случае не то, о чём упомянуто в начале рецензии. Читать следует классиков, причём наших русских, а не переводных, поскольку переводчики очень часто бывают бездарны и губят самые великие сочинения мировых гениев.

Наша русская классика считается лучшей. Рекомендую, конечно же, перечитать прозу Пушкина, карандашом в руках.

Простота и точность пушкинских повестей научит очень многому. Обращайте внимание на то, как у русских писателей работают метафоры, эпитеты — из них строится так называемое образное мышление, абсолютно необходимое для писателя, образы — основа художественной литературы, именно художественной. Язык девятнадцатого века был гораздо богаче, чем в двадцатом, засоренном политикой. Но и в двадцатом у нас жило немало великих. Шолохов научит впитывать народный слог, Бунин даст вкус к плотности текста и зримости описываемых картин. Из более поздних почитайте Шукшина, Юрия Казакова, из ныне живущих — Бориса Екимова.

И пишите. Но только грамотно, а не так, как в рассказе «Наследник»: *«присвоила моего деда себе»*. Слово «себе» здесь абсолютно лишнее. То же самое и с фразой *«что будет с нашей страной в будущем?»*.

Диалоги должны быть упругими, прямая речь всем своим естеством тянется к краткости, не допускает выспренностей типа *«ты явно не мой сын», «мои чары прошли мимо», «увидел такое дивное создание, что просто влюбился без чувств»*. Влюбился да ещё без чувств — очень дурной тон, поскольку любовь как раз и есть одно из главных человеческих чувств.

Пожалуй, хватит. Если Виталию суждено стать писателем, то это произойдёт через десять-двадцать лет адского труда. Таковы реалии художественной литературы.

Анатолий ЗАГОРОДНИЙ,
член Союза писателей России,
лауреат всероссийских литературных премий

О ВДОХНОВЕНИИ, ХУДОЖЕСТВЕННОМ ВКУСЕ И БЕССОЗНАТЕЛЬНОМ ЭФФЕКТЕ

Закрываю последнюю страницу рукописи со смешанным чувством оторопи, удивления, досады и - надежды, тем не менее...

Однако, все по порядку.

Повесть написана размашисто, чувствуется, не без вдохновения и жара, это хорошо. Но вдохновение далеко не всегда означает качество. Вдохновенно можно делать и черную работу, и дурную... Увы...

Ощущение провала, неизбежности провала возникает почти сразу, с первого и беглого знакомства с рукописью... Но, должен сразу заметить, провал для девятнадцатилетнего прозаика вещь почти обязательная, относительная и ни в коем случае не означает ситуации, при которой на творчестве следует ставить крест.

Поэт в девятнадцать лет может быть сложившимся мастером. Прозаик – никогда. На это указывает опыт всей мировой литературы. Проза удел пусть и относительно и все же зрелых людей, итог долгого и упорного самообучения и совершенствования. По определению, она требует больших затрат, большей учебы, большего творческого пути и жизненного опыта. Здесь на одних эмоциях и вдохновении далеко не уедешь. Помимо природного художественного дара нужны аналитика, трезвый и ясный ум, холодный расчет, редакторские способности (то есть умение видеть свое творчество как бы со стороны и соответственно править и доводить до ума собственный же текст), необходим опыт неудач, хорошая рефлексия, значительный за плечами объем душевной работы, и так далее, и тому подобное, нужна воловья работа, перед которой пасуют и отступают горячие

головы... Поэтов даже в Орле приличное число душ. Для числа прозаиков и пальцев одной руки будет много...

Сомневаюсь, что Роман как-то брал настоящие соображения в голову...

В рукописи настораживает многое, если не всё.

Начнем с заявления Романа, предпосланного рукописи: *«Дата рождения: 30.04. 1988.г... Писатель с 07. 2005 г.»*

То есть заявляет, что он писатель с семнадцати лет.

Вот первое свидетельство наива и инфантильности автора, которые вполне могут уживаться с интеллектом, но при этом говорить о незрелости ума, замкнутости автора исключительно на самом себе и своих проблемах и соответствующей незрячести, узости интересов и переживаний, что отнюдь не способствует хорошей прозе.

Человеку, закончившему школу, следовало бы иметь некоторое представление о русской литературе и ее развитии в контексте русской истории.

В России, исключая последнее десятилетие, звание писателя всегда присуждалось литератору общественностью и народом и являлось чрезвычайно высокой категорией. Не случайно писатели означали властителей дум. Трудно представить человека, не издавшего, скорее всего, еще ни одной книги, писателем и властителем дум... Гм...

Слава Богу, автор дает рукописи название. Но как-то не определяется с жанром. Возможно, не знает, что это такое. Возможно, затрудняется с определением. Определяем: повесть.

Повести (при цитировании я сохраняю авторскую пунктуацию и орфографию) предпосылается эпиграф: *«Портрет не обязан быть похож: на человека. Сам человек должен набраться смелости быть похож на свой портрет, (неизвестный)»*

А если портрет бездарен и дурен? Если намалеван абстракционистом, кубистом или футуристом? Что прикажете делать? Вроде бы и красивый эпиграф. А наделе – одно пустословие. Абракадабра.

Но далее.

«Часть I»

Нет, то, что автор называет частью, является главой. Часть, в принципе, как правило, представляет собой гораздо более весомый и обширный кусок прозы.

Первая фраза: *«Июньское утро в Орле выдалось странным: над городом разразилась роскошная гроза.»*

Эпитет *странным* неточен. В утре с грозой нет ничего странного. Другое дело, что такое утро бывает редким.

Проза не терпит приблизительностей и неточностей. Неточности аннулируют и уничтожают прозу.

Следующие два предложения. *«Сначала праздничные искры объединили небо и землю, а затем в неё дружно ударили ровные струи. Им кланялись деревья под грохот божественного фейерверка, им кланялись прохожие зонты.»*

По своей совокупности совершенно неблагозвучные, уродливые и безобразные предложения. Человеку с хорошим художественным вкусом подобные предложения режут слух. Они невыносимы. Музыканта закидывают яйцами за такую фальшь. С прозаика спрос не меньший. Другое дело, на музыканта у нас учат. И музыкант обязан знать ноты и не фальшивить. На писателя человека в принципе невозможно обучить. И не обучают. Один литинститут на всю страну не в счет. Да и в нем не писательскому мастерству обучают, а просто расширяют кругозор тем, кто уже недурно владеет пером. Но именно поэтому у нас всяк считает себя за ценителя и знатока прозы. Учиться-то вроде специально на писателя не надо. Значит, всяк может им стать или быть... Серьезное бытующее в обывательской среде заблуждение... И всяк пишет, и всяк судит да рядит... А в итоге один конфуз...

Но вернемся к нашим предложениям. Искры бывают при коротком замыкании электропровода, салюте или фейерверке. При грозе - молнии, всполохи и т.д. Какие искры?

Во-вторых, никакие признаки при природных явлениях не могут быть ни праздничными, ни будничными. Для подобных явлений существуют иные категории. Эпитет праздничный в данном случае может относиться только к состоянию души, через которую и определяется уже собственно природное явление. Автор не чувствует разницы.

«...дружно ударили ровные струи...» - серо и банально до пошлости;

«божественный фейерверк», - эпитет божественный не только самый высокий в ряду существующих эпитетов, он несет на себе нагрузку не только эстетического порядка, но и заключает в себе непревзойденной высоты духовную доминанту. Такой эпитет употреблять следует с чрезвычайной осторожностью. Автор не чует оброненной им нелепицы. Не чует, как божественное слово превращает в пустышку;

«прохожие зонты», - автор ставит рядом два существительных, превращая одно из них в определение, чему слово прохожие в данном случае не поддается, и в итоге мы имеем дело с элементарной безграмотностью, вызывающей, как минимум, насмешливую улыбку;

«Проснувшись и увидев это, Артем почувствовал себя обманутым непогодой», - это - слишком расплывчато и общо, уважающий себя литератор так никогда не скажет. Слову *это* он непременно найдет адекватную и приличную случаю замену.

Я не читаю текст. Я спотыкаюсь об него. Я раздражаюсь. Я изнемогаю уже (как бы наш автор написал? Правильно. От этой... Мы напишем точнее.) от забубённой, проходной и безвкусной прозы.

Подобным же образом я могу разобрать каждое предложение рукописи. Но какой в этом смысл?

Очевидно. У автора определенное нечувствие к языку. Язык же есть первая составляющая настоящей прозы. Нет языка - нет прозы.

Теперь коснемся содержания рукописи.

Речь в повести идет об одном молодом человеке, выпускнике школы, соискателе медали, победителе разного рода и разного уровня школьных олимпиад.

Привыкнув к первенству в учебе, в знаниях, вообще в информированности и натасканности, юноша плохо переносит переход на вторые роли в жизни и в быту.

Отсюда уязвленность, амбиции, закомплексованность, жажда лидерства любой ценой, в любой среде и в любой компании.

Но поскольку поле боя, на котором может одержать победу наш герой, одно, а именно, область знаний, орудием же может служить

только язык или перо, то он и провоцирует сплошь и рядом соответствующие ситуации, в которых может блеснуть знаниями и одержать верх.

Подростки идут навстречу, охотно вступая с нашим героем в полемику, поскольку, в принципе, это одна социальная среда.

Жизнь (и соответственно рукопись) превращаются в сплошной своеобразный древнегреческий агон, в данном случае умственное и интеллектуальное состязание между подростками на какую-либо выбранную специально для состязания тему (понятно, в рукописи это диалог).

Нужно заметить. Это самый интересный момент в повести. Романом действительно выхвачено из жизни любопытное и интересное явление, которого, как мне кажется, не было прежде в молодой России.

Вопрос в другом. О чем же спорят наши подростки?

Не буду утомлять автора цитатами из его же текстов. Автор, полагаю, знает свои тексты.

Спорят о том, как лучше раздеть девиц на вечеринке. Или о технике секса. О том, насколько умны или глупы блондинки. И так далее, в том же духе.

В спор бросаются нешуточные интеллигибельные силы, такие порнографические и эротические термины, как *либидо, феляция, гламур, гетеросексуальность,* такие убийственные метафизические, философские штучки, такие словечки, как *альтерэго, андеграунд, субкультура, коммуникативность, моносторонний, позиционировать,* и так далее, и тому подобное...

Шокирует рассудочность, прагматизм, бесстыдство и цинизм, которыми пропитаны диалоги. Подростки рассуждают о сексе так, как мужик по хозяйски о свинье, которую закалывает и разделывает к столу.

Потихоньку рецензента начинает охватывать ужас.

Господи! Что сталось с Россией, во что превратилась наша молодая Россия!

Очевидно же, что перед нами подростки, зомбированные современными СМИ, интернетом, телевидением.

За андеграундом, за субкультурой стоит пустота, пропасть, которая тянет нацию к суициду.

Вот что удалось показать автору.

Такое не каждому удается.

Но, увы, заключение мое остается в силе. Рукопись провальна.

Дело не только в полном отсутствии языка.

Едва ли не каждое предложение нуждается в правке, особенно в первой половине рукописи. Либо приблизительное, либо неверное словоупотребление. То и дело повторяющиеся синтаксические и грамматические сбои. Отсутствие элементарной логики в изложении. Мысль не поспевает за напором эмоций. Претенциозность. Вычурность. Все эти словопрения и диалоги, весь этот агон чрезвычайно скуден на содержание. Я бы сказал, худосочен. Автор не владеет заявленной им терминологий. Речь не о табу или запрете на эротику и даже порнографию. Художественная литература не знает запретов. Речь о качестве прозы, которая покамест не выдерживает элементарной критики.

Да и эффект, достигнутый автором, невольный и бессознательный. Сам-то он полагает, я в этом уверен, своих персонажей за истинных героев, за которыми будущее России...

Обнадеживает одно. Примерно с пятой части текст становится несколько чище. Автор потихоньку набивает руку.

Совет один. Побольше читать классики. Русской. И второе. Продолжить работать. Настоящую же рукопись положить в ящик. И уже не возвращаться к ней. Нужно начинать новую. Хватит ума и способностей учесть свои промахи, совладать с языком, толк может получиться. Креатива же, честолюбия и амбиций, чувствуется, у Романа с избытком.

Алексей КОНДРАТЕНКО,
член Союза писателей России,
лауреат всероссийских литературных премий

ЗАДАНИЕ НА ЗАВТРА

В январе-июне 2012 года Фёдор представил на рецензирование в Орловский Дом литераторов три рукописи романов – назовём их условно: ***Роман 1, Роман 2, Роман 3.*** *На каждую из них были подготовлены отдельные рецензии. Предлагаю вниманию читателей обобщающий критический обзор, объединивший основное содержание указанных рецензий.*

Роман 1 (94 страницы убористого шрифта) представляет собой повествование о жизни современных студентов, где наличествуют все традиционные сюжетные повороты: любовь, путешествие, конфликт отцов и детей, смерть… Роман насыщен размышлениями о взаимоотношениях людей, о смысле жизни, о вере в Бога.

Конечно же, представленный текст нельзя назвать романом в классическом понимании этого слова. Скорее, это набросок романа: герои описаны достаточно поверхностно (обычно им даётся только первоначальная характеристика), читатель различает их разве что по именам и фамилиям. Нет полноценного описания места действия (обычно это просто *«город», «центральная площадь», «парк»*). Не показано содержание бытия героев – их учёба, окружающая обстановка, жизнь в прежние годы и т.д. Язык романа местами засорён длиннотами, канцеляризмами, штампами (обыденными выражениями), наличествуют грамматические ошибки. Впрочем, этот перечень недостатков можно продолжать и далее (рецензент сделал соответствующие отметки карандашом на полях страниц представленной книги). Вопрос в том, что подобные требования предъявляются к литературным произведениям, написанным на профессиональном уровне.

Если же принять во внимание то, что книга создана начинающим автором, молодым человеком, то необходимо признать, что он показал себя достаточно способным, смелым сочинителем, взявшимся сразу за такую неимоверно сложную жанровую форму, как роман. Чувствуется стилевое единство книги, умение автора удерживать ритм повествования, вести достойный диалог с читателем на самые сложные темы. Пусть пока изредка, но проявляется вкус Фёдора к литературной образности, ему удаются короткие зарисовки, диалоги, переходы от одной картины к другой. Язык автора на порядок чище и звонче, живее того языка, на котором говорят сегодня его сверстники. Книга получилась целостной в своём сюжете и нравственной проблематике. Причём, и это хочу подчеркнуть особо, Фёдор выходит из какофонии идей и образов массовой, молодёжной псевдокультуры на простор настоящей, классической русской литературы: его позиция гуманиста и патриота, человека с живой душой вызывает искреннее уважение и поддержку. Это, наверное, самое главное в сегодняшней характеристике молодого литератора.

Трудно предположить, каким будет дальнейший его путь. При соответствующей редакторской правке и доработке роман можно было бы предложить в какой-либо молодёжный журнал или сборник, на сайт молодых писателей.

Роман 2 (объём 120 страниц) представляет собой повествование о взаимоотношениях молодых людей в наши дни, о нравственных поисках, о драматических и порой трагических ситуациях.

При чтении поначалу кажется, что завязка романа затянута, беспомощна. Однако по мере развития событий это ощущение уходит, читатель начинает внимательно следить за мыслями героев, их поступками, тем более что на первое место выходит столь редкая сегодня в беллетристике проблематика морально-нравственной атмосферы. Предстают реальные, знакомые по сегодняшнему дню образы молодых людей: студент, продавец, молодой специалист (правда, не в производственной, а в домашней, житейской обстановке). Поставлены актуальные вопросы материального достатка, жизни в столице и провинции.

Здесь же – размышления автора о религии, о смысле жизни, о вечном. В целом архитектоника повествования выстраивается как романная – и это, несомненно, удача автора, свидетельство того, что он обладает крайне редким даром романиста.

При всех положительных оценках хотелось бы высказать Фёдору и ряд замечаний. К примеру, в его критике современной православной церкви вполне уместно было бы (в будущем, в других произведениях и их сюжетах) показать, что путь молодёжи к вере не закрыт, что есть достойные, душевные наставники и среди сословия священников.

В нескольких местах очевидна обрывочность канвы повествования (например, с. 88), вообще практически повсеместно отсутствуют характерные, присущие конкретному персонажу детали, позволяющие сделать его вновь узнаваемым для читателя (хотя по сравнению с предыдущим романом чувствуется, что автор старается работать над этим непростым для него вопросом). Дойдя до середины текста и даже продвинувшись далее, читатель никак не может понять смысл названия романа.

Присутствие ряда логических ошибок, избыточных повторов, длиннот, стилистических огрехов - всё это отмечено рецензентом непосредственно в тексте, в частности, языковая избыточность *(«отверстия ноздрей»*, *«видневшейся… видел», «момент времени»*), а также нелитературные *«безвкусовщина»*, *«охмуряж», «бесщадной»*, канцеляризмы (*«зашагал интенсивней», «очарование штучности», «реакция испытуемого», «сидячее положение», «в лице времени»*) и т.д. Не хотелось бы бить тревогу по поводу этих недочётов, но вывод однозначен – автору необходимо работать над языком своих произведений, искать точные, живые слова для описаний, характеристик, показа действий.

Рукопись **Романа 3** (объём - 156 страниц), как и две предыдущие, представляет собой повествование о взаимоотношениях молодых людей в наши дни, о нравственных поисках, о драматических и порой трагических ситуациях. На этот раз во главу угла поставлен один из «вечных вопросов» о

взаимоотношениях России и Европы, о сходстве и различии в ментальности представителей разных стран.

Сразу необходимо отметить то, что молодой автор довольно вдумчиво учёл критические замечания, содержавшиеся в ранних рецензиях. Сложнее и глубже стали психологические характеристики героев, более рельефно описаны места действия романа. Можно полагать, что и период грамматических погрешностей, некоторой текстовой неряшливости автор уже оставил позади.

Как и в прежних книгах, импонирует чёткая идейно-нравственная позиция молодого литератора. Он настойчиво анализирует атмосферу современного общества (теперь уже не только в России, но и в общем плане – в зарубежных странах), отношение молодого поколения к идеалам и ценностям. Однако автору удаётся избежать назидательности – он остаётся в рамках романного повествования, не теряет нить сюжетного развития. И это, подчеркнём лишний раз, главная ценность творческого метода Фёдора.

При всех положительных оценках можно высказать и ряд замечаний. В частности, недостатками являются некритический перенос в художественную прозу примитивных разговорных конструкций, стилевые недоработки, штампы, ошибки – все эти замечания рецензентом сделаны непосредственно в тексте книги.

В нескольких местах ощутима недостаточная связка канвы повествования. «Подвисающей» выглядит картина двух визитов одного из персонажей в ЦК КПСС в конце 1980-х годов – будем считать, что этот этюд – лишь набросок для начала нереализованной пока в романе сюжетной линии. Хотелось бы также видеть больше характерных, присущих конкретному персонажу деталей, - нередко автор ограничивается названием фасона и цвета одежды. Где работают или учатся герои, что читают, кто их родители и однокашники – об этом речь идёт в основном мимолётно, крайне скупо.

Видимо, это и есть «задание на завтра» для молодого романиста – освоение этих литературных методов только

поможет ему сделать уверенные шаги к созданию крупных и признанных полотен о нашей современности и современниках.

Вполне возможно, что со временем, обретя опыт, Фёдор станет автором целой серии популярных романов (некий книжный вариант телесериалов) или сценариев. Но очень бы хотелось, чтобы он учился на лучших образцах нашей литературы, упорно работал над своим стилем, над изображением событий и характеров, глубже проникал в философию жизни, словом, рос как писатель. И тогда творчество Фёдора, признанное читателями и коллегами по перу, вполне может стать шагом вперёд в развитии русской литературы.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

Ирина Семёнова 3
Поехал, так держись 3
В темнице собственного я 7
«Глаза вопьются и нальются» 10
Андрей Фролов 13
Даст Бог – получится поэт 13
«Сыро в туманную глубь» 16
Звёздочки и козочки, или пирожки зелёных глаз 19
Как умею, так и пою 21
«И кругом ходит голова» 25

ПРОЗА

Юрий Оноприенко 27
Упорство, время, вдумчивость 27
…И адский труд 29
Анатолий Загородний 32
О вдохновении, художественном вкусе и бессознательном эффекте 32
Алексей Кондратенко 38
Задание на завтра 38

Вестник
Орловского Дома литераторов

Выпуск 3-й

В начале творческого пути

Сборник рецензий

Редактор-составитель А.В. Фролов

Подписано в печать 01.02.2013 г. Формат 60х80 1/16
Печать ризография. Бумага офсетная. Гарнитура Times
Обьем 2,75 усл. печ. л. Тираж 50 экз. Заказ № 211

БУКОО "Орловский Дом литераторов".
302028, г. Орёл, ул. Салтыкова-Щедрина, 1,

Лицензия ПД № 8-0023 от 25.09.2000 г.
Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО Полиграфическая фирма «Картуш»
г. Орел, ул. 2-я Посадская, 26. Тел./факс (4862) 44-51-46.
E-mail: kartush@orel.ru www.kartush-orel.ru